

ОБ ОСНОВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Кошарная С.А., д.ф.н., проф. (БелГУ)

В 20-е гг. XX столетия в Петрограде начались были активные исследования «языка города». В 1926 г. профессор Б.А. Ларин в своем знаменитом докладе определил основные факторы, влияющие на язык как социальный феномен: «Тремя основными факторами определяется судьба языка: культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил». И с этим утверждением нельзя не согласиться, как и с тем, что изучение «языка города» в этом контексте представляет особый интерес. Именно здесь, в речи города, прежде всего отражаются изменения, зреющие в «чреве» литературного языка, здесь в полной мере может быть осмыслена роль той или иной социальной группы и сила ее воздействия на современный язык и – в целом – на современную культуру.

«Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собою языковую культуру города», – писал Б.А. Ларин, один из основателей социолингвистики. И при этом ученый добавлял: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически... Научная традиция в этой области еще не сложилась».

Проходит более полувека, и другой исследователь языка – профессор В.В. Колесов – замечает, что мы вынуждены повторить эти слова, поскольку, в сущности, ничего не изменилось. «Появилось множество теоретических работ по социолингвистике, изучающей социальные функции языка в современном обществе, но сугубое теоретизирование на основе абстрактных типологических схем и моделей, в которых язык представлен всего лишь как материал для других нужд, полностью отменяет национальное своеобразие каждого языка в отдельности, языковые особенности каждого города в частности, отношение различных социальных групп к общим явлениям национального языка прежде всего» [См.: Колесов 1991: 3].

Действительно, общий для всех литературный язык – это некий недостижимый идеал, схема, которая находится в той или иной степени отвлеченности от реального языка реального человека или группы людей. На деле язык оказывается гибкой системой, находящейся в постоянном развитии. Причем это развитие зависит не только от внешних воздействий, но и от внутренних тенденций и закономерностей. Такие системы сегодня называют саморазвивающимися.

Иными словами, не только мы воздействуем на язык, но и язык воздействует на нас.

Так, сегодня одной из важных проблем становится утрата филологической культуры личности, минимизация языковой картины мира человека, сведение ее функций к утилитарным. В свое время Д.Н. Ушинский, юрист по образованию, удалявший большое внимание родному языку, указывал, что если слово усваивается в детстве, то оно попадает в оба

полушария, если позже – только в левое, отвечающее за понятия, но не за образы. Именно поэтому в некоторых странах, например в Новой Зеландии, сегодня детей начинают учить с 4-х лет, когда они наиболее «открыты» усвоению нового знания.

Вопрос о языковом развитии личности выдвигается на передний план. Так, в США создается общенациональный словарь. В России реализуется программа «Русский язык».

Как отмечает автор «Словаря богатств русского языка» профессор В.К. Харченко, из современной речи, к сожалению, исчезла «пафосность» (в хорошем смысле слова, то есть высокая речь, в которой наряду с обыденной лексикой присутствуют и эпитеты, и метафоры, и прочие «элитарные» элементы языка). А потому надо расширять горизонты своего словоиспользования, развивать свою языковую «персонасферу» (термин Михаила Наумовича Эпштейна). В этой связи ученые отмечают необходимость создания индивидуально-авторских словарей мастеров слова (заметим, что уже ряд таких словарей издан профессором нашего университета Н.А. Турагиной). Такие словари являют нам образцы высокой речи.

Наше же словоупотребление сегодня далеко от идеала (хотя Россия находится будто бы в первой тройке по уровню образованности, см. статью в ж. «Новый мир», 2002 г., №1). Например, расхожие разговорные элементы, без которых, наверное, не обойтись, зачастую оказываются грубыми, унижающими как говорящего, так и слушающего (всем нам знакомы ситуации, когда от чьих-либо слов, сказанных, казалось бы, по простоте, нам становилось неловко и хотелось скорее закончить разговор). Приведем в качестве примера хотя бы фразу «Да вы что?!», которая в определенном контексте становится эквивалентом «Вы с ума сошли?!», а это уже прямое оскорбление, недопустимая грубость.

Кроме того, в нашей речи ощутима недостаточность образных средств, идей, цитат. Разве что рекламные слоганы становятся репризами в нашей речи, а они, как правило, являют далеко не лучшие образцы (как речи, так и поведения).

Современному человеку характерна ограниченность средств в выражении эмоций: междометия старомодны, высокие слова вызывают усмешку, кажутся искусственными, церемонными (у нас даже слово *глубокоуважаемый* становится пейоративом), диминутивы кажутся слащавыми, уместными только при обращении к детям. В молодежной среде различные оттенки положительных эмоций и оценок нивелируются словами *круто*, *клёво*. Отрицательные эмоции и оценки вербализуются жаргонизмами *отстой*, *фигово*. В итоге мы сами становимся грубее, черствеем душой. Вспомним, как не так давно по всем каналам прокатилось сказанное в сердцах бывшим Президентом выражение «*мочить в сортирах*» (о террористах) чуть ли не как образец политической риторики. И здесь ответственность лежит на средствах массовой информации, тиражирующей и смакующей «языковленную эмоцию» неравнодушного к судьбам страны человека.

Жаргонизмы превращаются в модные словечки в речи журналистов, политиков, околобогемной публики. Они звучат везде. Сегодня жаргонное слово чувствует себя свободно там, где, казалось бы, ему не должно быть места – в парламентской речи, в выступлении государственных чиновников всех уровней, в официальном общении работников правоохранительных органов: «*Опять коммунисты на нас наезжают. Им только бы засветиться*» (А. Митрофанов, депутат ГД); «*Будет у крестьян техника, будут и бабки*» (А. Титов, губернатор Самарской области). Жаргонизированная речь льется нескончаемым потоком на всех каналах телевидения, причем тон в этом отношении, как это ни печально, задает ОРГ: «*Непонятно, кто кого кинул: государство министерство или министерство государство*»; «*Они считают, что их разводят*» (М. Леонтьев).

В результате и рядовой обыватель не станет «подбирать слова» в той или иной конфликтной ситуации.

Самое негативное влияние жаргона сказывается на формирующемся речевом сознании. Стилистая дезориентация ведет к речевой некомпетентности и речевому бессилию. Это происходит в том числе и в результате засорения речи, которое несет с собой жаргон: «*Я хотел типа слинять...*»; «*Да мы чисто посмотреть...*».

Жаргон отсекает от речевого сознания огромные пласты литературной лексики, обедняет речь, тем самым препятствуя интеллектуальному и творческому развитию личности. Давление жаргона, в котором «смысл влияет между словами», на речевое сознание определяет отношение к классической литературе, науке. «Жаргон убивает мысль, отучает думать его рьяных поклонников» [Скворцов 1996: 189].

Причину актуализации жаргонов (молодежного, коммерческого, уголовного и др.) исследователи связывают тем, что названные элементы нелитературной речи отражают сущность реальных социально-экономических и властных отношений [Язык. Система. Личность 1998: 22]. С одной стороны, предполагающей открытость для контроля обществом и государством, эти отношения зачастую базируются не на законности, а на «понятиях», то есть на межличностных, межгрупповых или внутригрупповых, клановых договоренностях, компромиссах (кстати, в паре *закон – понятие* первое слово – литературного, открытого для общего пользования языка, а второе – жаргонное выражение, называющее реалии «закрытой», криминальной среды).

При этом молодежи, как правило, свойственно критическое, ироническое отношение к давлению извне, она стремится противоречить традициям, разрушать их. Молодые люди высоко ценят эпатаж, неординарный жест, поступок, слово. Все это – почва для произрастания молодежного жаргона. Кроме того, молодежный жаргон – это групповой код, пароль, указывающий на принадлежность к «своим», выделяющий носителя из социума.

В то же время сегодня очень модно «блеснуть» знанием иностранного слова. Такое слово повышает статус коммуникативной ситуации, зачастую оно выполняет ту же функцию, что и дорогие часы, ремень, ботинки, «выдавая» принадлежность владельца к «элитарной» культуре. Отсюда наплыв

заимствований, в которых, по сути, нет необходимости, поскольку в языке существуют эквиваленты с той же семантикой, ср.: *тнейджер* – *подросток* (заметим, что борющийся с ненужными заимствованиями сатирик М. Задорнов сам, как правило, употребляет заимствование *тнейджер* вместо русского слова); *электризовать* – *выбирать*; *рейтинг* – *уважение* и т.д.

Этому явлению, конечно, есть объяснения. Иногда предпочтение отдается иностранному слову, которое не обогащено лишними ассоциациями, не перегружено образностью. От него веет свежестью, новизной. Например, употребляя слово *имидж* – вместо *образ*, *оболочка*, *маска*, – мы подчеркиваем «статусность» облика человека, т.е. необходимость соответствия его внешнего облика статусу, роду деятельности. Ср.: *образ*, *облик* и *имидж* (англ. *Image* – «образ») – целенаправленно создаваемый образ кого-нибудь, призванный выражать определенные свойства субъекта и тем самым оказывать психологическое, эмоциональное воздействие на зрителей, собеседников, слушателей (*имидж актера, комика, телевизионного ведущего* и т.п.); это значение явно более специфично, чем значение слов *образ*, *облик*.

Распространенное слово *спонсор* (англ. *Sponsor*) входит в русском языке в ряд иноязычных по происхождению наименований: *меценат* – *импресарио* – *антрепренер* – *продюсер*. *Спонсором* первоначально обозначали лицо или организацию, которая оказывает финансовую поддержку творческой деятельности артистов, музыкантов, художников; затем спонсорская деятельность стала пониматься более широко (ср.: *спонсор соревнований, телевизионной программы, конференции, издания книги* и т.п.). Другие слова этого ряда имеют сходное, но не тождественное значение: *импресарио* – предприниматель или агент-устроитель концертов, зрелищ; *антрепренер* – частный театральный предприниматель.

Нововведение *дресс-код*, еще не вошедшее в отечественные словари иностранных слов и по сути не освоенное орфографически, означает не форменную одежду, а одежду, соответствующую статусу и роду деятельности организации, в которой работает человек. А вот новообразование *фэйс-контроль* («контроль внешности», например, при входе в увеселительное заведение) в контексте русской культуры оказывается дискриминирующим, унижающим человека, так как в данном случае речь, как правило, идет не о чистоте и опрятности внешнего облика, а о соответствии его определенным финансовым возможностям (заимствование *фэйс-контроль* имплицитно содержит в себе вопросы: «Сколько ты стоишь?», «Достаточно ли у тебя денег?»).

Таким образом, всякое слово является частью социокультуры именно потому, что оно отражает особенности общественного устройства. Например, сразу после Октябрьской революции профессор П.Я. Черных написал книгу о языке революционной эпохи. В ней он рассказал, как новый быт потребовал замещения «опороченных» старой жизнью слов: вместо *господин* и *барин* появились слова *гражданин* и *товарищ*, вместо *жалованье* (то, что *пожаловано, дано (из жалости?)*) по воле руководства; слово *жалованье* как обозначение платы за труд известно с 1640 года, но активно распространяется в конце XVII века) – *зарплата* (то, что *заработано, то есть принадлежит*

человеку по праву), вместо *прислуга* (вспомним о разнице слов *служить* и *прислуживать*, отмеченной Чацким) – *домработница* (та, кто работает в доме у кого-л., ср. *работница фабрики*). Слово «появились» В.В. Колесов считает здесь не совсем точным, так как все эти «новые» слова возникли много раньше, чем произошли революционные события. Кроме того, данные нововведения нельзя назвать «заменой» (*товарищ* не может заменить слово *господин*), так как здесь речь идет о другом принципе обозначения, потому что в обществе между людьми складываются новые отношения.

В конце XX века вернулись к нам и *господа*, и *прислуги*, что стало отражением новой социально-экономической ситуации.

Все эти языковые явления исследуют специалисты, разрабатывающие вопросы социолингвистического описания языковой личности. В этом ключе может исследоваться и речь рядового менеджера, и известного политика, и журналиста, и т.д. Так, в одной из телепередач один известный в нашей стране бизнесмен цинично похвастался, что у него дома «в *прислуге кандидаты наук и академики*». По-видимому, складывающиеся в нашей стране общественно-экономические отношения позволяют таким состоятельным людям не рефлексировать по поводу морали.

Но, пожалуй, наиболее остро сегодня стоит проблема борьбы со сквернословием. Так, не менее трети населения России регулярно, в качестве обиходной, используют ненормативную лексику; 47 % опрошенных прибегают к этой лексике иногда, и лишь 19 % ее никогда не употребляют. Причем почти в 40 % случаев мы «просто отводим душу», иначе говоря, снимаем стресс. Обычно это сопровождается у мужчин приемом алкоголя или просмотром телепередач [Ольшанский 2001: 135].

Ненормативная лексика входит в сознание носителя языка с детства (даже если он сам не употребляет её), а, как писала М. Цветаева, «что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь». В подростковой и юношеской среде употребление «крепкого словца» зачастую считается престижным, это своеобразный эпатаж, преодоление запретов. Замечания со стороны взрослых здесь малоэффективны, но вода и камень точит, а потому не реагировать на подобные словоупотребления, по крайней мере, в стенах школы, вуза, нельзя. Вообще здесь нужна самая разноплановая работа – от разъяснения до разработки специальных технологий, которые позволят сформировать правильное отношение к ненормативной лексике, сделают её употребление, если можно так сказать, немодным, унижающим самого говорящего. Отметим, что для воспитанного, интеллигентного человека, у которого существует внутреннее табу на бранные слова, присутствие в чьей-либо речи подобных элементов вызывает реакцию, которую можно квалифицировать как культурный шок.

Социальное благополучие, стабильность, уверенность в завтрашнем дне будут способствовать тому, что количество негатива в социуме будет уменьшаться, а потому, возможно, и причин для «сильных высказываний» будет меньше. Кроме того, здесь необходимо учитывать гендерный аспект. Известно, что мужчины употребляют ненормативную лексику много чаще, чем женщины. Неслучайно именно в чисто мужских коллективах ненорматив – обычное явление.

Чем это обусловлено? Как правило, экстралингвистическими причинами. А вот присутствие женщины уменьшает частотность подобных высказываний.

Следует отметить, что некоторые позитивные результаты в деле борьбы со сквернословием уже есть. В частности, это коснулось Интернет-среды. Там грубое, бранное слово постепенно становится всё менее употребительным. Пользователи, общаясь между собой, учитывают, по-видимому, и широту охвата аудитории. И в этом ключе человеку уже небезразлично, как его «слово отзовется». Таким образом, при всех нападках на Интернет он тоже вносит свой вклад в процесс очищения языка. Здесь, правда, есть и обратные примеры. Это так называемый «грязный» спам, который, помимо откровенных картинок (которые можно и не открывать), содержит открытые «комментарии» к подобному рода «рассылке», и содержание этих комментариев оказывается грязным во всех отношениях, включая лексические особенности. Вероятно, здесь следует особо потрудиться сотрудникам так называемых отделов «К», которые должны отслеживать подобные рассылки и удалять их до того, как они смогут попасть к пользователю на стол (тем более, что этим пользователем может оказаться и ребёнок, подросток).

Но это лишь один из возможных путей, а необходим комплекс мер, программы борьбы, которая сегодня активно развернулась у нас на Белгородчине.

Таким образом, высвечивается целый ряд языковых проблем сегодняшнего дня, решать которые призвана и социолингвистика, которая из описательной лингвистической дисциплины все более становится аналитической, где анализу подвергается как речь одного человека, так и социальных групп, и общенародного языка в целом.